

СПЕЦ. ЦЕНА

ЧИТАЙТЕ ВСЕ РОМАНЫ АЛЕКСАНДРЫ МАРИНИНОЙ:

Стечение обстоятельств
Игра на чужом поле
Украденный сон
Убийца поневоле
Смерть ради смерти
Шестерки умирают первыми
Смерть и немного любви
Черный список
Посмертный образ
За все надо платить
Чужая маска
Не мешайте палачу
Стилист
Иллюзия греха
Светлый лик смерти
Имя потерпевшего никто
Мужские игры
Я умер вчера
Реквием
Призрак музыки
Седьмая жертва
Когда боги смеются
Незапертая дверь
Закон трех отрицаний
Соавторы
Воюющие псы одиночества
Тот, кто знает. Опасные вопросы
Тот, кто знает. Перекресток
Фантом памяти
Каждый за себя
Замена объекта
Пружина для мышеловки
Городской тариф
Чувство льда
Все не так
Взгляд из вечности. Благие намерения
Взгляд из вечности. Дорога
Взгляд из вечности. Ад
Жизнь после Жизни
Личные мотивы
Смерть как искусство. Маски
Смерть как искусство. Правосудие
Бой тигров в долине
Оборванные нити
Последний рассвет
Ангелы на льду не выживают
Казнь без злого умысла

Адрес официального сайта Александры Марининой в Интернете
<http://www.marinina.ru>

АЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

СЕДЬМАЯ ЖЕРТВА

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М26

Маринина, Александра.

М26 Седьмая жертва / Александра Маринина. —
Москва : Издательство «Э», 2016. — 448 с. —
(А. Маринина. Меньше, чем спец. цена).

ISBN 978-5-699-88659-3

Ни сотрудник уголовного розыска Настя Каменская, ни следователь Татьяна Образцова не могли предполагать, что их согласие участвовать в телеместе «Женщины необычной профессии» приведет к трагедии. После прямого эфира один за другим начинают гибнуть одинокие малообеспеченные люди, а рядом с трупами таинственный убийца оставляет послания, которые не удастся ни понять, ни расшифровать. Кому адресованы эти послания, Насте или Татьяне? И кто будет следующей жертвой?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-88659-3

© Алексеева М.А., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ДЕТЕКТИВ С ПРИВИДЕНИЯМИ

Смена числа 19 на 20 в начале номера года вызвала в мире необычайный всплеск интереса к оккультизму, магии, колдовству, парапсихологии и прочим «зеленым человечкам». С недавнего времени все со дня на день ждут Конца Света, видя признаки его несомненного приближения то в комете Галлея, то в землетрясении в Турции, и бегут к экстрасенсам, магам, астрологам и специалистам по НЛЮ за авторитетным мнением. Впрочем, то же самое творилось и сто лет назад — только тогда еще не было «зеленых человечков», и люди беседовали с духами, безмерно увлекаясь спиритизмом.

Литература же очень чутко реагирует на умонастроения в обществе — собственно, идет у них на поводу. Массовая литература в большей степени, элитарная — в меньшей, но и та и другая зависят от готовности и желания людей говорить на ту или другую тему. Поэтому совершенно не удивительно, что с недавнего времени входят в моду детективы с «мистическим» уклоном.

А для мистики нужна и соответствующая атрибутика. Желательно, чтобы действие происходило в старинном замке или монастыре, чтобы раскрываемая тайна уходила корнями в века и жертвы умирали одна за другой не от банального пистолетного выстрела, а от таинственного яда или вообще непонятно от чего.

Самый, пожалуй, известный из «мистических» детективов — «Имя Розы» Умберто Эко.

Но в литературе все новое — лишь хорошо забытое старое. Когда-то, два века назад, Анна Радклиф потрясла читающую Европу «готическими» романами: романами «ужасов и тайн», замешенными на философии «мирового зла». Герои «готического» романа непременно отмечены печатью рока, а сюжет сплетен из страшных, необъяснимых и кровавых преступлений. Чем не мистический детектив?

И Умберто Эко в своей книге ничего нового не придумал — лишь спел старую песенку на новый лад, приобрел множество почитателей и вошел с «Именем Розы» в историю мирового постмодернизма.

Но Умберто Эко — почти гений. Его роман сделан изящно, тонко, красиво, с очень точным соблюдением чувства меры. К сожалению, чаще случается так, что атрибуты «готического» романа для рядового писателя становятся камнями на шее, затягивающими в болото пошлости. Особенно много пошлостей рождает заманчивое желание порассуждать на тему «мирового зла» и власти Князя тьмы — будь то Сатана или буддистский божок Чойжал (хозяин ада).

Постмодернисты (а мистикой сейчас увлекаются как раз постмодернисты) вообще любят играть с религиями, любят делать малопочтенный винегрет из, например, буддизма и христианства. И преступления замешивать на религиозных воззрениях. И вводить еще один очень модный мотив, тесно связанный с религиями и загробной жизнью, — отношение персонажей к смерти. Злодей часто проповедует культ смерти, считает, что, убивая, приносит своим жертвам благо, освобождает их от ненужных и бессмысленных жизненных оков.

На «мистическую» приманку Александра Маринина не поддалась — мистики в ее книгах вы не найдете, и это правильно: в хорошем детективе все должно объясняться рационально, преступление должно быть психологически мотивировано и оправдано обстоятельствами. А если после нагромождения всяческих таинственностей пойманный злодей машет ручкой и выле-

тает в трубу — дескать, привидение я и спроса с меня никакого, — то что это за детектив?

А вот злодея с культом смерти Маринина на сцену таки вывела. Но опять сделала это не так, как поклонники мистики, не стала обставлять этот культ всякими загадочными и страшными явлениями — никакой тайной секты, пыток в подземельях, фамильных ценностей, убийств в замках и роскошных красавиц в вечерних платьях с посиневшими лицами. Впрочем, фамильные ценности у Марининой есть, но принадлежат они жадной и малосимпатичной старухе, да и к преступлению никакого отношения не имеют.

Злодей Марининой — сугубый рационалист-одиночка, и так же умен, трезвомыслящ и логичен, как ее любимая героиня Настя Каменская. Не случайно именно Каменскую преступник и выбирает своим единственным оппонентом. Его должна поймать либо она, либо никто. Все жертвы на алтарь смерти словно бы приносятся в ее честь. И Настя, умирая от страха, вынуждена идти вслед за злодеем, разгадывая его жуткие ребусы.

Чем все это окончится? А вот догадайтесь...

Глава 1

КАМЕНСКАЯ

— Не знаю, как вы, уважаемые, а я книги Гоголя еще со школьной скамьи не люблю. Не понимаю, что в них интересного!

Андрей Тимофеевич оглушительно расхохотался и ловко отправил в рот очередной кусок упоительной телятины Ирочкиного изготовления. Настя искоса глянула на Татьяну и сдержала улыбку. До чего забавный этот их сосед! Немолодой уже мужчина, пенсионер, а держится с ними, как мальчишка с одноклассницами. Хохочет, бородастые анекдоты рассказывает, нимало не смущаясь их несвежестью, и даже не стесняется признаваться в том, что не почитает одного из классиков отечественной литературы. Обычно люди его возраста держатся с теми, кому еще нет сорока, более солидно, с усталой многозначительностью изрекая непреложные, по их представлениям, истины. Не таков, однако, был Андрей Тимофеевич, живущий на одной лестничной площадке со Стасовым и его семейством.

— Ну, вообще-то, школьное изучение литературы к любому писателю может любовь отбить, — заметил Стасов. — Может быть, сейчас детей учат по-другому, а в наше время заставляли, например, наизусть зубрить размышления князя Андрея под небом Аустерлица. Какой пятнадцатилетний пацан это выдержит? Конечно, у него возникает стойкое отвращение и к отрывку, и к роману, и ко всему, что написал Толстой. Кстати, а как вы к Толстому относитесь?

— Я, уважаемый, к писателям никак не отношусь, — с неожиданной серьезностью отвечал сосед, — у меня есть отношение только к конкретным произведениям. «Войну и мир» люблю, «Кавказского пленника» люблю, «Севастопольские рассказы» тоже, а «Анну Каренину», к примеру, терпеть не могу.

— Значит, вы и к нашей Тане никак не относитесь? — обиделась Ирочка. — Она ведь тоже писатель.

Андрей Тимофеевич снова расхохотался. Делал это он так самозабвенно и вкусно, что невозможно было не улыбнуться в ответ.

— Ира, прекрати, — попыталась одернуть ее Татьяна. — Это называется выклянчивать комплименты.

— Так я же не себе комплименты... — стала оправдываться Ира, но Андрей Тимофеевич прервал ее:

— Дорогие мои, не ссорьтесь. Во-первых, у нас абстрактное обсуждение русских классиков, а не присутствующих за столом прелестных дам. Во-вторых, насколько я знаю, вы, Татьяна Григорьевна, пишете детективы, а я их не читаю и читать не буду даже из уважения к вам, вы уж меня простите. А посему отношения к вашему творчеству у меня нет и быть не может. Ну а в-третьих, лично к вам, Татьяна Григорьевна, я отношусь с глубочайшим почтением и восхищением, равно как и к вашей гостье Анастасии Павловне, ибо молодые, умные, красивые женщины, занимающиеся тяжелой и грязной работой, вместо того чтобы блистать в свете, неизменно вызывают трепет в моей мужской душе.

Выдав сию тяжеловесную, но изысканную тираду, сосед поднялся из-за стола, аккуратно сложив при этом лежавшую на его коленях накрахмаленную салфетку.

— Засим позвольте откланяться.

— Куда же вы, Андрей Тимофеевич, — всполошилась Ирочка. — У нас еще пироги...

— Нет-нет, дорогая, не могу, извините. Сын обещал подъехать, я должен быть дома. Сегодня, видите ли,

вторая годовщина смерти жены, мы собираемся съездить на кладбище.

Ира проводила соседа до двери и вернулась в комнату. На лице ее проступила грусть, словно печальная дата в этот день была не у Андрея Тимофеевича, а именно у нее.

— Все-таки он славный... Простой такой, веселый... — вздохнула она, ни к кому конкретно не обращаясь, и начала освобождать на столе место для блюда с пирогами.

— Ага, — ехидно поддакнула Настя, — и галантный. Не знаю, как ты, Танюша, а я уже давно таких комплиментов не получала. И молодые-то мы с тобой, и умные, и красивые. У вашего замечательного соседа со зрением как? Все в порядке?

— Не волнуйся, — засмеялась Татьяна, — у него все в порядке. Это у тебя перебор в части самокритики. Запомни, подруга, твой вкус вовсе не эталон, я даже не исключаю, что он у тебя просто отсутствует. И тот факт, что ты сама себе не нравишься, совершенно не означает, что ты не должна нравиться всем остальным людям на этой планете. Допускаю, что нашему Тимофеичу-Котофеичу ты кажешься неземной красавицей. Ладно, коль наш сосед нас покинул, вернемся к делам.

Настя поскущела. Дело, к которому призывала вернуться Татьяна, ей было совсем не по душе, но она опрометчиво дала обещание поучаствовать и теперь не могла отступить назад. То есть могла, конечно, мир не рухнул бы, но совесть не позволяла. Суть же состояла в том, что Татьяне позвонили с телевидения и пригласили принять участие в передаче, посвященной женщинам, занимающимся традиционно мужским делом. Программа так и называлась — «Женщины необычной профессии». Татьяна стала отнекиваться, объясняя, что женщина-следователь — явление вполне обычное, что среди следователей почти половина женщин, и лучше бы им поискать для своей передачи женщину — сотрудницу уголовного розыска, поскольку в розыске женщин действительно раз, два и обчелся. На вопрос,

не может ли следователь Образцова в таком случае порекомендовать кого-нибудь, Татьяна ответила не задумываясь. Настя Каменская была единственной женщиной-оперативником из угрозыска, которую она знала. Кончилось дело тем, что Настя позволила себя уговорить только в обмен на обещание Татьяны тоже участвовать в передаче. Ни той, ни другой ехать на прямой эфир не хотелось, они придумывали разные замысловатые отговорки, стараясь не обидеть людей с телевидения прямым отказом, но администратор программы проявила недюжинное упорство в сочетании с невиданной проницательностью и нашла-таки способ их уломать.

Согласие их было получено, время прямого эфира назначено, увильнуть уже некуда, посему Татьяна пригласила Настю на воскресный обед, чтобы договориться о главном.

— Раз уж мы с тобой позволили себя втянуть в это мероприятие, — сказала она, — давай разработаем стратегию нашего поведения. Это прямой эфир, хуже того — это телемост, и если у нас с тобой не будет общей идеи, за которую мы станем изо всех сил цепляться, вся передача провалится. Только время зря потеряем.

— Да-а-а, — озадаченно протянула Настя, — телемост — это круто. Если бы просто прямой эфир, тогда еще ничего, сейчас, насколько я знаю, почти всегда звонки телезрителей фильтруют, чтобы не уходило время на явные глупости. А телемост практически не контролируем.

Обед подошел к концу, Ира убрала со стола и отправилась гулять с годовалым сыном Татьяны Гришенькой, Стасов, выразительно шелестя газетами, прошествовал в спальню, а две будущие героини телевизионной передачи «Женщины необычной профессии», забравшись с ногами на диван, принялись строить коварные планы противостояния неожиданным, а возможно и глупым, вопросам. Обе они были убеждены, что не существует женских и мужских профессий, а

есть природные наклонности, способности и особенности характера, позволяющие успешно заниматься одними видами деятельности и мешающие добиваться успеха в других сферах. Причем природа эти наклонности и способности раздает людям без учета их половой принадлежности. Главное — донести эту мысль до телезрителей и не позволить тратить время на обсуждение тем вроде «Как ваш муж смотрит на то, что вас могут ночью вызвать на работу».

— На все подобные вопросы отвечаем по единой формуле, — предложила Настя. — Например: мой муж смотрит на это точно так же, как смотрела бы жена, если бы ее мужа... И так далее.

— Согласна, — кивнула Татьяна и поправила теплый плед, которым прикрывала ноги, — надо уходить от обсуждения нашей личной жизни и переводить все в обобщения, чтобы люди понимали, что нет конкретной Насти-сыщика и Тани-следователя, а есть люди, приспособленные для этой работы, независимо от их пола.

Ирочка давно вернулась с прогулки, доносившийся из спальни храп Стасова уже с полчаса как сменился шелестом газетных страниц, а Настя с Татьяной все сощелкались. Их разговор перестал быть предметно нацеленным на предстоящее выступление по телевидению, они быстро превратились в тех, кем были на самом деле: в оперативника и следователя, разрабатывающих план сложного допроса, когда нужно предвосхитить все возможные варианты поведения подозреваемого и продумать соответствующие этим вариантам контрудары. Работа эта была профессионально знакомой и увлекательной, и обе не замечали, как сгущались сумерки и загорались фонари за окнами. Прерваться пришлось, только когда позвонил Чистяков.

— Жена, тебя домой ждать или как? — спокойно спросил он.

— Смотря что подразумевать под «или как», — тут же отпарировала Настя.

— Два варианта, — методично ответил профессор

математики, — или ты остаешься там ночевать, или я за тобой приеду.

— А тебе как больше нравится?

— Ехать за тобой, конечно, не хочется, бензин опять же переводить и двигатель амортизировать. Кроме того, у нас в квартире жуткий холод и горячую воду отключили...

— Тогда я остаюсь.

— Договорились, я выезжаю.

Настя положила трубку и посмотрела на часы.

— Ируськин, у меня есть сорок минут. Я могу рассчитывать на чашку кофе с остатками пирога?

ЧИСТЯКОВ

Оказывается, жить с чувством вины хоть и неприятно, но вполне можно. В конце концов, разве он виноват в том, что случилось? Ремонт в квартире Насти давно пора было делать, и единственное, в чем он может себя упрекнуть, так это в том, что раньше не проявил должной настойчивости. Тогда все было бы уже сделано. Уговорить жену зажмуриться и перетерпеть пару месяцев ему удалось только этим летом. Нашли мастеров, закупили часть необходимых материалов, работа закипела... А потом «ахнуло» 17 августа. И уже через неделю стало понятно, что отложенных на ремонт денег хватит разве что на окончание работ в кухне. Самое обидное, что деньги у Чистякова были, он как честный налогоплательщик открыл счет в Инкомбанке, куда ему и переводили гонорары за издаваемые за рубежом учебники и монографии. Ну а толку-то? Счета заморожены, с них ни доллара, ни цента, ни даже рубля не снять.

И тут, словно на счастье, подвернулось приглашение в Германию на три недели читать лекции. Заплатить пообещали наличными, и после краткого семейного обсуждения было решено случай не упускать. Государственной зарплаты жены-милиционера и мужа-ученого может не хватить даже на безремонтную жизнь, ибо

к началу сентября потерявшие чувство реальности ценны окончательно зарвались, совсем забыв о том, что должны хотя бы минимально соответствовать покупательной способности населения. Выплаченный наличными гонорар за лекции помог бы им продержаться несколько месяцев, а там, глядишь, и ситуация как-то утрясется.

Но государство снова подкинуло очередную подлянку. Стоило только Чистякову отбыть в Германию и войти в аудиторию со своей первой лекцией, как было объявлено о том, что все желающие могут перевести свои вклады из частных банков в государственный Сбербанк. И якобы это позволит им получить свои деньги, пусть не сразу и не в полном объеме, но хоть в каком-нибудь. Для осуществления этой процедуры необходимо лично явиться и написать соответствующее заявление. Вопрос, таким образом, закрылся сам собой, не успев открыться. Виза у Чистякова была не многократная, если бы он попытался вырваться на два дня в Москву, чтобы попробовать спасти свои деньги, то назад в Германию вернуться уже не смог бы, на получение новой визы потребуется две-три недели. Расписание лекций составлено, со всего мира на этот курс съехались математики, и попросить их уехать домой и вернуться через месяц, когда профессор Чистяков получит еще одну визу, было невозможно. Время шло, срок, отведенный нашим любимым государством на решение личных финансовых проблем, истекал, а Алексей Михайлович стоял за кафедрой и на хорошем английском языке... К моменту его возвращения в Москву лично являться и составлять заявления было поздно.

Короче, судьба вкладов оставалась более чем неопределенной, ясно было одно: денег нет и в ближайшее время не предвидится. Квартира, больше напоминающая разоренное гнездо, нежели жилое помещение, в таком состоянии законсервируется надолго, а вот что будет после Нового года — даже подумать страшно. Судя по всему, страшно было не только ему, но и Насте. Они оба не обсуждали эту тему, но сейчас, по дороге

домой, она впервые задала вопрос, и Чистяков понимал, что следует дальше.

— Леш, а тебе много денег перевели из-за границы в этот чертов Инкомбанк? — осторожно спросила Настя, хотя она прежде никогда не позволяла себе влезать в финансовые дела мужа.

— В общей сложности сорок две тысячи, если считать в долларах.

— И ты в январе пойдешь в налоговую инспекцию и все задекларируешь?

— Ну а как же, — усмехнулся Чистяков. — Я хочу спать спокойно.

— И нужно будет заплатить примерно тридцать процентов от суммы гонораров?

— Примерно.

— Леш, а где мы возьмем деньги на налог? Это же четырнадцать тысяч долларов. Мне даже подумать страшно.

Краем глаза он увидел, как Настя поехала. Целый день шел дождь, дорога мокрая, и он смог повернуться к жене, только остановившись на красный свет.

— Ты что, сильно переживаешь из-за этого? — серьезно спросил он.

Настя молча кивнула и достала сигарету.

— Брось, Асенька, это ведь еще не скоро. В январе я задекларирую доход, а выплатить налоги с него нужно будет до середины июля. Кроме того, по опыту прошлого года могу сказать, что, когда сумма большая, гражданам разрешается выплачивать ее частями.

— Ты думаешь, до лета вклады разблокируют? Что-то слабо верится, — покачала головой Настя. — Леш, неужели там, наверху, не понимают, что происходит? Воспользоваться деньгами не дают, а налоги платить заставляют. Как же их платить? С чего?

— Одно из двух. Или введут какой-то механизм для такого случая, или нам с тобой придется продавать имущество. Машину, к примеру.

— За нее много не дадут, она старая, — возразила Настя. — Есть еще твои подарки — серьги, кольцо, брас-